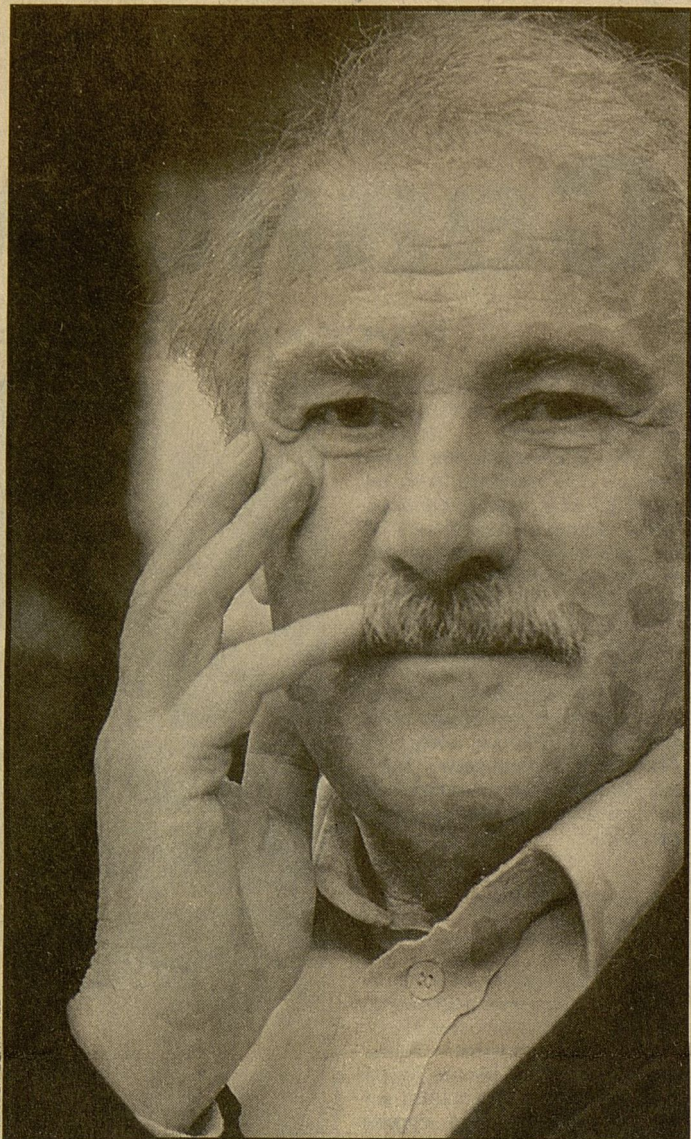

Человек с ледорубом

Ушел Григорий Чухрай.
Мастер, который проторил нам путь

Когда говорят о классическом советском кино, первой вспоминают «Балладу о солдате» — то тепло человечности, которое излучал этот фильм и которое заставило мир говорить о новом уровне гуманизма. Потом это время назовут порой оттепели — образ пробуждения природы и ледохода из «Чистого неба» запал в душу и стал с этим временем неразрывен.

Мускетер. — Эвф. — 30 авг. — с. 1

Валерий КИЧИН

А еще раньше в круг самых принципиальных надежд эпохи вошло имя Григория Чухрая, автора дебютного «Сорок первого» — фильма поворотного уже потому, что в нем впервые после запрещенного Булгакова заговорили о белогвардейцах с сочувствием и пониманием.

Это были картины редкой внутренней гармонии, при всем их ярком, на разрыв души, трагизме. В них жила романтика чистейших душ, которая накрепко свяжется с эпохой шестидесятилетия, — над ней теперь принято снисходительно посмеиваться, но без нее не было бы всего лучшего в том, что мы зовем демократией. Кино Григория Чухрая занимало здесь первое и главное место.

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

Мы не успеваем говорить друг другу «спасибо»

Каждый раз, когда идет по телевизору «Баллада о солдате», я думаю: надо снять трубку и позвонить Грише, сказать ему, что ведь до сих пор слезы наворачиваются на глаза! Что картина за душу хватает, что она шедевр на все времена. И вот — не успел... Уходит поколение замечательных мастеров: Ростокский, Метальников, теперь Чухрай. Уходит поколение ребят, которые в кино пришли прямо с фронта и до третьего курса ВГИКа ходили в шинелях — потому что не было у них гражданской одежды. Это было поколение особое — людей, живших в общаге, впроголодь, стрелявших друг у друга рубль на винегрет и полбатона, я все это прошел и знаю. О машинах, курортах, коттеджах не думали — хотели осуществить свое жизненное предназначение, рассказать о времени, рассказать про войну. Про свою войну.

А его Экспериментальное творческое объединение, которое многим помогло и многое сделало воз-

Он был первопроходец во всем. С первого фильма каждый был художественным открытием. В «Трясине» он первым понял трагедию матери, любовь которой нравственно уничтожила сына. Создав на «Мосфильме» Экспериментальное творческое объединение, он первым пытался внедрить в советскую схоластику действующую модель будущего рынка.

С именем Григория Чухрая история связала послевоенное возрождение нашего искусства, его «новую волну», теплую и столь мощную, что она дала энергию всему, что пришло после нее в кино и в жизнь. Эта волна смывала остатки черных снегов прошлого, формировала сознание новых поколений, и все ныне живущие могут назвать себя ее детьми и внуками.

можным! Там начинали Лариса Шепитько и Андрей Смирнов, Данелия снял «Не горюй», Лотяну — «Табор уходит в небо», я — «Фокусника». Но все это стоило Грише много крови. Он мог бы снять еще не один фильм, но считал дело принципиально важным и годами пробивал эту идею новой системы самофинансирования кино. Положил много сил и здоровья, доказывая, что она более гибка и рентабельна, выгодна и зрителям и государству. Но ему не дали довести дело до конца — объединение было слишком независимым, и его закрыли, что опять-таки стоило Грише многих лет жизни, ибо он принимал все это близко к сердцу.

В «Чистом небе» один только проход Урбанского с Дробышевой на вокзале или проезд военного эшелона мимо женщин на перроне стоит многих «Оскаров». Сейчас и у нас появилась своя Аллея славы у «Мосфильма». Звезда Григория Чухрая там должна была стоять первой. Не случилось, не успели, поздно.